Стежки памяти

Светлана Суворова

Светлана Суворова

Стежки памяти

«Автор»
2026

Суворова С.

Стежки памяти / С. Суворова — «Автор», 2026

Сборник «Стежки памяти» – это истории тех, кого уже нет, и разговор с теми, кому еще предстоит хранить этот мир. Большое здесь видится в малом: в куске блокадного хлеба, в горсти серой соли, в стоптанной балетной туфле.Вы узнаете историю парфюмера, создавшего из обрывков воспоминаний «Аромат», который защищает надежнее брони. Познакомитесь с Марией, ставшей матерью для целого эшелона осиротевших детей. Увидите современных школьников, которые по-своему и по-разному смотрят на события прошлых лет. Пройдете непростой путь вместе с конем Громом и познакомитесь с другими героями, которые забывали о себе ради спасения других.

© Суворова С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Стежки памяти 6
Танец жизни 8
Теория малых дел 11
Эшелон Марии 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Светлана Суворова
Стежки памяти

От автора

О войне сказано так много, что, кажется, не прибавить ни слова. И все же я взялась за перо, потому что голоса тех, кто прошел через это пекло, звучат во мне. Память – это живая боль, которая передается от бабушек и дедушек к внукам, от сердец к сердцам.

Дорогой читатель! Я не знаю, кто ты. Может быть, ты внук ветерана, а может, просто человек, которому не все равно. Я надеюсь, что эти истории отзовутся в твоем сердце.

Если после прочтения ты почувствуешь благодарность к тем, кто отдал за нас жизнь, – значит, я написала эту книгу не зря. Если ты обнимешь своего дедушку или позвонишь бабушке, которые еще помнят то время, – значит, память жива. А живая память – это то, чего не могут у нас отнять.

С теплом, Светлана Суворова

Я о многом хотела спросить тебя, деда!
Я бы просто хотела обнять тебя, ба!
Вы сражались в те годы не ради победы,–
Чтобы стала свободной родная страна.

Фронтовые сто грамм, ненадкусанный хлеб –
В вашем доме все также котята мурчат,
Только раньше горел в этой комнате свет,
А сейчас догорает скупая свеча.

Под подушкой награды – подальше от глаз,
Лишь бы кто не подумал, что все ради них.
Надевали в году их единственный раз,
Когда стройной колонною шли средь других.

Вы на небе теперь, среди стай журавлей.
Просто знайте, что боль никуда не ушла.
А с годами, быть может, стало больней.
Но вы живы в сердцах пока память жива.

Стежки памяти

В мастерской Большого театра, заваленной кожаными лоскутами и катушками ниток, царил особый порядок. Здесь пахло кожей, клеем и старым деревом – запах, однажды услышав который, навсегда оставляешь в памяти. Иван Сергеевич склонился над верстаком, осторожно подшивая подметку к изящной танцевальной туфельке. Его грубые и покрытые шрамами руки вот уже тридцать пять лет знали только мягкость кожи и тонкость нити. В работе мастера не было места неточностям – каждый стежок, каждый срез рассчитывались с деликатной точностью и необъяснимым трепетом. Если швы лягут хотя бы на миллиметр не так, как следует, если клей схватится чуть слабее – пара разлетится за два дня.

Два дня. Столько нужно, чтобы превратить изящный прыжок – в травму, а уверенность танцовщика – в страх перед каждым движением. Иван Сергеевич не понаслышке знал, что два дня могут полностью изменить жизнь.

Он смутно помнил, что произошло с ним пятьдесят лет назад – память удивительным образом умеет сгладить страшные картинки из прошлого. Война, гул самолетов, свист, потом – оглушительный удар. Дом вздрогнул, будто живой, и рухнул, засыпав маленького Ваню горячими обломками. Мать и сестра, которые только что стояли у печи, исчезли в облаке пыли и дыма. А шестилетний паренек чудом остался жив.

Ваня лежал на лавке в углу дома, где висела икона Божией Матери. Доска накрыла паренька, не повредив – будто невидимый ангел крылом защитил его от смерти. Так мальчик и пролежал два дня, от страха не в силах пошевелиться: без воды, без голоса, под обломками.

А на третий день пришла Анна Петровна – тогда еще просто незнакомая женщина в стеганой безрукавке, разгребала завалы в поисках выживших. Увидела торчащую из-под досок детскую руку – и вдруг услышала слабый стон.

– Живой! – закричала она кому-то, хватая обломки.

Ваня не помнил, как его вытаскивали, а вот лицо женщины навсегда врезалось в память: бледное, измученное; ее глаза излучали непоколебимую веру и решительность. Словно заклинание она повторяла всего два слова:

– Держись, сынок. Держись, сынок.

Икона, под которой его нашли, уцелела. Лик Богородицы был исцарапан, но глаза – все так же кротко смотрели вдаль. Анна Петровна аккуратно сняла икону со стены и обратилась к Ване:

– Это твоя защитница. Будем беречь вас обоих.

Теперь, когда он шил туфли для артистов, его руки работали с той же тщательностью, с какой Анна Петровна когда-то разбирала завалы. Потому что он знал: два дня – это не просто срок. Это грань, на стыке которой все решается. И если можно было сделать так, чтобы чьи-то два дня даже на сцене прошли без страха – он делал. Словно возвращал долг уже в мирной жизни.

– Иван Сергеевич, балет «Жизель» на следующей неделе, – напомнила заведующая, заглядывая в мастерскую. – Три пары для солистки.

– Успею, – кивнул он, не отрываясь от работы.

Но в ящике под верстаком лежала еще одна пара – не для сцены. Маленькие, аккуратные, на низком каблучке, сшитые из темно-вишневой кожи. Он делал их по памяти, без мерки, но был уверен: размер тот самый.

***

В сорок третьем их было семеро: голодные мальчишки, подобранные ею в разоренной деревне. Анна Петровна, молодая учительница, сама едва держалась на ногах, но вела их сквозь

войну, как капитан решительно ведет свой корабль сквозь шторм. А ведь ей было всего двадцать пять лет!

– Вы теперь мои сыновья, – сказала она тогда, разливая по мискам жидкую похлебку. – А в семье друг друга не бросают.

Иван, самый младший, помнил, как она отдавала им свой хлеб, как штопала их рваные вещи, как пела тихим голосом, чтобы они не боялись бомбежек. А еще – как у нее всегда болели ноги. Старые, стоптанные ботинки натирали ей пятки, но новых не было.

Потом пришла Победа. Юноши вскоре разъехались, а тех, кто был помладше Анна Петровна вырастила, как родных детей. Строитель, археолог, машинист, инженер, токарь, учитель и обувной мастер – они писали ей письма из разных уголков страны, навещали с семьями, ни на минуту не забывая о той, кто стала для них второй мамой.

***

Поезд шел медленно, стуча колесами, будто отсчитывая время: пять лет, пять лет, пять лет… Именно столько он не был у своей мамы Ани. На коленях у Ивана Сергеевича лежал сверток – те самые туфельки, завернутые в газету, которые он уже много раз на протяжении тридцати пяти лет создавал для нее.

Деревня встретила его покосившимися заборами и запахом свежего сена. Спустя пятьдесят лет здесь ничего не напоминало об ужасах Великой Отечественной войны. Дом Анны Петровны был все тот же – маленький, с голубыми ставнями.

Мужчина постучал в дверь и знакомый, чуть хрипловатый голос тут же отозвался:

– Войдите!

Она сидела у окна, и прищурившись, что-то вязала. Седая. Худая. Но все с той же решимостью и верой в глазах.

– Мама, – сказал Иван, уже сам поседевший от возраста.

Анна Петровна подняла голову, и в ее глазах мелькнуло недоумение, а потом – свет.

– Ванюша?

Он опустился перед ней на колени, развернул сверток.

– Это вам. Чтобы ноги не болели. Простите, что так долго не приезжал…

Анна Петровна взяла туфельки, провела пальцами по гладкой коже, и вдруг ее плечи задрожали.

– Ты не забыл… – прошептала она.

– Все помню, – ответил он.

За окном шумели березы, пахло хлебом и летом. И казалось, что война, голод, разлука – все это было не с ними. Потому что самое важное – они вновь обрели друг друга…

***

Даже идеально сшитые балетные туфли живут недолгих четыре месяца. Четыре месяца па-де-де, фуэте, стремительных пробежек по сцене. Потом ткань протирается, подметка истаптывается, и в швах появляется предательский скрип. Поэтому перед гастролями артисты упаковывают не по одной паре, а по три-четыре. И никогда не выбрасывают старые. Потому что в каждой стоптанной туфельке – сотни часов репетиций, десятки спектаклей, капли пота и следы грима. В них – отпечатки ног, которые помнят каждое движение.

Память о войне стирается так же медленно, как шелковая подкладка под пальцами танцовщицы – сначала исчезают оглушающие взрывы, потом притупляются самые страшные воспоминания. Но остаются следы – невидимые шрамы, которые ноют перед непогодой; неожиданные запахи, возвращающие в сороковые, и тихие щелчки рассохшейся иконы в углу мастерской Ивана Сергеевича, так похожие на стук метронома, отсчитывающего годы…

Танец жизни

Паркет, протертый до матового блеска, хранил следы тысяч па. Сейчас по нему скользили только двое. В луче слабого солнца, пробивающегося сквозь высокое окно, кружились золотистые частицы, как будто сами спешили попасть в такт. Витя держал Зину на вытянутых руках, ее тело было невесомым продолжением его движений, легким лебединым крылом. Он чувствовал упругую волну музыки, что лилась у него в голове. Вдох – подъем, выдох – стремительный поворот. Они были двумя студентами, стремящимися в сияющую даль, к рампе Большого.

В коридоре послышался грубый стук тяжелых сапог – такие не носили артисты и преподаватели. Витя уловил его своим уникальным слухом, но не сбился. Зина почувствовала напряжение, возникшее на мгновение. Ритм их танца стал жестче, отчаяннее, будто они пытались заглушить эту железную поступь. Шаги приближались, учащались, сливаясь с бешеным стуком сердца. Витя поднял Зину высоко над головой – на миг она парила в столбе света, как ангел, – и мягко опустил на землю. Скрипнула дверь.

В дверях стоял незнакомый человек в шинели. В его глазах не было ни капли интереса к происходящему на паркете. Пара остановилась. Военный медленно подошел к Вите и протянул сложенный лист.

– Думаю, объяснять вам ничего не нужно. Ждем вас завтра на сборочном пункте. Вся информация – на бумаге.

Витя кивнул, не смотря в глаза мужчине. Тот смерил заинтересованным взглядом Зину.

– Дамочки тоже нужны. Не до танцев, молодежь. Не до танцев.

Бойкая Зина хотела возразить, но Витя, всеми мышцами спины почувствовав ее напряжение, поднял вверх руку, как бы останавливая партнершу. Зина выдохнула и опустила глаза.

– Мне сказали здесь в залах еще плясуны есть? – ехидно спросил военный. – В каких кабинетах?

– Никак не могу знать, товарищ…

– Ясно… ясно… Ну что ж, не вздумайте бежать.

– Да за кого вы меня…?

Мужчина дослушивать не стал, резко развернулся, скрипя подошвой по паркету, и громко зашагал прочь.

Витя подошел к скамейке в углу зала, швырнул в сторонку балетную обувь и она жалко шлепнулась о стену. Он плюхнулся на сидение и молча смотрел на свои ноги, казавшиеся теперь странными и чужими. Пальцы рефлекторно вытягивались в «носке». Но сейчас все, чему его так долго учили, казалось глупым и бесполезным.

Зина беззвучно подошла, подняла туфли, смахнула с них невидимую пыль. Слезы в ее глазах, казалось, застыли, как лед. Она села рядом, положила туфли на колени Вите и прижалась головой к его плечу. Он медленно обнял ее. На его коленях лежала пара из кожи и атласа, в которую был зашит весь их с Зиной мир. И он только что рухнул.

Снег сошел, обнажив черную, пропитанную талой водой землю. Витя сидел на обрубке бревна, отгородившись от всех спиной. Достал из вещмешка сверток, развернул его – внутри лежали запылившиеся балетные туфли. Он взял тряпицу и стал протирать их с нежностью, с какой, может, мать вытирает лицо ребенка. Сзади раздалось фырканье.

Коля, коренастый и грубоватый парень с обветренным лицом, вечно всем недовольный, усмехнулся:

– Ну что, Витя, опять за свои туфельки взялся? Танцевать собрался?

Долговязый Миша тут же поддакнул:

– Артист балета, понимаешь!

Витя молчал, только пальцы его вцепились в тонкую кожу так, что побелели суставы. Он ничего не ответил. Встал и ушел, не оглядываясь.

– Балерун… Кому вообще эти пляски нужны? Ерунда это все! – крикнул ему вдогонку Коля.

– Брось ты, – тихо сказал самый старший из них, Иван. – Отстань от парня. У каждого своя война.

– А что ты защищаешь его? – разозлился Коля. – На кой нам нужны эти танцоры, музыканты, художники? Толк в них? Ни силы, ни ума! Одна музыка в голове!

– А у тебя что в голове, дурак-человек? Шибко образованный?

– Да уж точно поумнее…

– Ну да, ну да… – протянул Иван.

– А я вот согласен с Николаем, – поддержал разговор Михаил. – Я, например, мастер спорта по плаванию! Вся жизнь – в движении.

– Ну так и у него тоже… – развел руками Иван.

– Да что там за движения? Пируэты какие-то! – воскликнул Коля, вырисовывая в воздухе хаотичные движения руками.

Иван больше не стал с ними спорить. Махнул рукой и принялся чистить свои армейские сапоги.

Несколько дней спустя над окопами опускалась серой мглой ночь. Где-то далеко грохотало, и каждый взрыв заставлял землю содрогаться под ногами. Шесть человек сидели, прижавшись к глиняным стенкам. Молча курили, кто-то пытался дремать.

Коля пробормотал, глядя в землю:

– Хана нам сегодня, вот чую, хана.

– Да заткнись, Коль! Раскаркался! – отозвался Сергей, который всегда пытался поддерживать остальных.

Рядом с Витей, свернувшись калачиком, лежал Алешка. Мальчишка, семнадцать лет со смешными веснушками. Еще вчера он делился со всеми, как мечтает вернуться в родное село и по стопам отца работать трактористом. Теперь он, раненный осколком мины, тихо, прерывисто хрипел, смотрел в темную небесную даль, и по его щеке медленной полоской стекала слеза. Все знали, что конца ждать осталось недолго.

Вдруг Алешка перестал хрипеть. Наступила тишина, страшнее любого взрыва. Все замерли, опустив головы и крепко сжимая оружие, готовые вот-вот броситься в атаку.

Витя смотрел на застывшее лицо Алешки, на эти веснушки, которые теперь казались рисунком на мраморе. Потом посмотрел на свои руки – грубые, испачканные, в ссадинах – и потянулся к вещмешку.

Он снял тяжелые сапоги, затем медленно, осторожно надел танцевальные туфли. Он встал во весь рост в окопе, затем поднялся на небольшую коробку со снаряжением.

– Ты чего, Вить? С ума сошел?! – зашипел на него в ужасе Коля.

Но Витя его не слышал – начал танцевать величественное адажио. Каждое движение было соткано из боли и бессилия перед судьбой. Он поднимал руки к небу, как бы поднимая туда душу Алешки; кружился так, словно очерчивал и для себя последнее пристанище. Сергей дрожащими руками достал из кармана губную гармошку и начал играть. Скорбная, наполненная слезами и болью, мелодия, как реквием разлилась по окопам и вышла за их пределы. Танец превратился в панихиду.

Солдаты смотрели, разинув рты, в ужасе ожидая выстрела в Витьку. Но ни одна пуля не нарушила этот ритуальный момент.

Витя закончил, замерев в последней позе – руки, сложенные на груди, голова склонена. Повисла абсолютная тишина. Он открыл глаза, медленно развернулся, спрыгнул обратно в окоп и молча стал снимать туфли.

Коля, внимательно наблюдавший танец, резко вытер кулаком глаза, шмыгнул носом и хрипло сказал:

– Спасибо, Вить. По-человечески… проводили.

Через месяц в лагере на привале царило спокойствие.Сергей писал письмо, Миша чистил вещмешок. Коля возился с костром и, подбрасывая в огонь щепку, с усмешкой сказал:

– Ну что, балерун, сегодня будешь нам па-де-де танцевать? А то немцы заскучали, может, их своим пируэтом напугаешь?

Витя, уже привыкший к подколам, с легкой улыбкой ответил:

– Может, и напугаю. Кто знает.

Сергей отложил письмо и задумчиво произнес:

– Получается, брат, балет – это твое оружие.

– Наше оружие… Без твоей музыки все было бы не так.

Сергей кивнул:

– И то верно! А в сапогах-то армейских, что, слабо станцевать?

– Не слабо, конечно. Мне бы музыку…

Сергей достал из кармана губную гармошку, улыбнулся:

– Ну оркестр большого театра я тебе не обещаю, но подыграть-подыграю…

Он начал подыгрывать. Витя, прямо в тяжелых солдатских сапогах, начал двигаться под эти простые звуки, думая лишь о том, как ему не хватает рядом Зины.

***

1948 год. Большой театр.

Аплодисменты гремели радостной, победной канонадой. Витя стоял на авансцене, держа за руку Зину. В первом ряду партера сидели двое в гражданских, но прямых, как струна, костюмах.

Коля, все такой же коренастый, шепнул на ухо Ивану:

– Молодец, парнишка!

Иван, седой уже у висков, тихо улыбался:

– А ты говорил: балерун! Эй-эх!

Коля покраснел, но кивнул:

– Виноват… Но как он тогда не просто станцевал… А показал, за что мы сражаемся! За жизнь и счастье! А оно у каждого свое… Искреннее, из души нашей…

Они встали вместе со всем залом. Витя и Зина, держась за руки, кланялись. И Витя сквозь свет софитов видел не только рукоплещущий зал. Он видел лицо Алешки. Видел Ивана, Колю, Сергея, Мишу. Видел свой окоп. Его танец был для них. Для всех, кто смог дойти до конца и кто остался навсегда на поле боя. Это был танец жизни. Танец выстоявшей и победившей страны.

Теория малых дел

В цехе было шумно, словно пространство исполняло свою стальную песню, которую каждый здесь работающий мог узнать с одной ноты. Это была песнь о войне. В глубоком тыловом городишке, куда эвакуировали завод, теперь жили по законам фронта. У станков, до которых едва дотягивались, стояли мальчишки и девчонки. Лица у них были серьезные, взрослые, а на худеньких плечах лежала тяжесть, которую и не каждому мужику поднять.

В углу, за ширмой из фанеры, была империя Веры Владимировны. Судьба занесла учительницу физики из ленинградской школы сюда, за Урал. Ее импровизированным кабинетом стал верстак, заваленный чертежами, образцами сплавов и сломанными микрометрами.

И был у нее кружок, своего рода «Юный физик». Собирались в нем после смены ребятишки. И хотя глаза их слипались от усталости, но никто не ныл – приходили. А все потому, что Веры Владимировна объясняла не абстрактные законы, а самую суть вещей, от которых зависела жизнь. Так было и в этот день. Рассказывая об оптике, учительница не сводила глаз с Федьки. Тощий, долговязый парнишка с умными, но тоскующими глазами каждый день подходил к станку, как виртуоз к инструменту. Вера Владимировна заметила, что сегодня парень был особенно молчалив и озадачен какими-то внутренними размышлениями.

– Федя, подойди, – позвала она талантливого ученика, когда закончился урок и ребята стали расходиться. – Что стряслось?

– Мы здесь штаны просиживаем!!! Детальки какие-то мастерим, физику изучаем, более-менее в тепле сидим! А наши там, в голом поле, воюют с фашистами!

– Смотри, – Вера Владимировна положила на ладонь крошечную, блестящую втулку. – Твоя?

– Моя, – кивнул Федька. – Для узла поворота башни. Тысяча двадцать штук за смену.

– И ты думаешь, это мелочь? Пылинка?

Он молчал, упершись взглядом в замасленный пол.

– Хорошо, – сказала учительница тихо. – Оставим поэзию. Давай физику. Что такое танк, Федя?

– Машина. Броня, пушка, мотор...

– Машина, – перебила она. – Механизм. А что ломается в механизме первым? Не самое крупное и не самое заметное. Ломается то, что не рассчитали, пожалели, сделали спустя рукава. Вот эта твоя втулка, – она поднесла ее к тусклой лампочке, – работает в паре с осью. Зазор? Ты его вывел до микрона. Почему?

– Чтобы не было люфта, – автоматически ответил Федька. – Люфт – неточность поворота. Неточность – промах. Промах...

– Промах – не уничтоженный вражеский танк. Который уйдет и убьет наших, – закончила Вера Владимировна. – А теперь динамика. Удар снаряда по броне. Это не просто дырка. Это колоссальное ускорение, перегрузка. Вся масса железа содрогается. И если где-то здесь, – она ткнула пальцем в невидимый чертеж в воздухе, – сидит плохо обработанная, кривая деталь, что происходит?

– Сильное напряжение, – прошептал парнишка. – Трещина. Разрушение узла.

– Именно. Танк превращается в неподвижную мишень. Экипаж по... – она не договорила. Не надо. – Ты считаешь свою работу малой? Мелочью? А победа, Федя, она из чего складывается? Из громких атак и тысяч тонн металла? Нет. Она складывается, как мозаика, из миллионов вот этих самых «мелочей». Из твоей втулки. Из точно выточенного штифта. Из правильно закаленной пружины. Каждая – безупречная. Каждая – на своем месте. Это и есть моя теория. Теория малых дел. Без нее все большие – рассыпаются в пыль.

Федька стоял, сжав кулаки. В его глазах шла борьба.

– Там, на фронте, мой брат... а я тут...

– А он там, – резко сказала Вера Владимировна, – воюет на том, что ты делаешь здесь. Он твоими руками стреляет. Твоими руками поворачивает башню. Твоими руками держит удар. Ты здесь – не в стороне. Ты – на самом острие. Только штык твой – это твой резец, твой микрометр, твой расчет.

Она открыла ящик верстака и достала коробочку. В ней лежали десятки таких же втулок, каждая в отдельной ячейке, как патроны в обойме.

– Это – брак. Не твой. Чужой. Посмотри на срез. Видишь, рытвины? Неровность? Эта «мелочь» на испытаниях не выдержала и трех часов. А должна – сотни. Из-за такой «мелочи» где-то под Курском или Сталинградом мог остановиться, мог не выстрелить танк. Я берегу этот брак, как самое страшное доказательство того, что равнодушие убивает. А твоя дотошность, твое внимание к этим мелочам спасает жизни.

Она замолчала, дав словам дойти. Цех гудел вокруг, и этот гул был теперь наполнен новым смыслом – сотни малых дел, сплетающихся в одно великое.

Федька медленно поднял голову. Он взял из ее ладони свою, родную, идеально выточенную втулку. Повертел ее, поймав блик света.

– Значит... выходит, мой станок – это мой фронт? – спросил он, и в голосе уже не было прежней горькой обиды на судьбу.

– Именно так, боец, – Вера Владимировна позволила себе слабую улыбку. – И твоя задача – держать эту линию без промаха. До самой победы.

Мальчик кивнул, и, крепко сжав в руке деталь, пошел назад, к своему станку. Шел не так, как шел сюда – сгорбленно и тяжело. Он шел на свой невидимый, но оттого не менее важный рубеж с гордо поднятой головой.

Вера Владимировна смотрела ему вслед, поглаживая шершавую поверхность бракованной втулки. Ее теория малых дел зародилась случайно, когда потребовалось успокоить еще одно бунтарское юное сердце. И удивительным образом, именно такие, казалось бы, очевидные жизненные наблюдения находили отклик у ребят. Каждый раз, когда учительница видела, как в глазах этих измученных, повзрослевших детей загорается огонек веры в то, что они делают нечто очень важное даже вдали от фронта, она знала – еще один кирпичик в фундамент будущей победы был положен. Уверенно и на совесть. А ее теория малых дел продолжала работать еще много-много лет.

Эшелон Марии

Поезд шел на восток уже третьи сутки. Состав был длинный, тяжелый, и паровоз пыхтел на подъемах, будто тоже устал. В теплушках везли детей. Самых разных – от грудных, что кричали тонко и надрывно, до подростков, что сидели с взрослыми, насупленными лицами, глядя в щели между досками на проплывающие мимо пепелища.

Мария стояла в тамбуре последнего вагона, прижавшись лбом к холодному железу. Ветер свистел в щелях, и она ловила этот свист, как единственную музыку, что осталась в мире. Там, далеко позади, за линией фронта, где небо по ночам рдело заревом, остался ее сын Колька. В апреле ему только-только исполнилось восемнадцать, а теперь он ушел на фронт. Приписал себе год, прибежал в военкомат, пока она на работе была. «Мама, – сказал потом, уже в форме, не глядя в глаза. – Мам, ты не плачь. Я вернусь. Я же сильный».

Сильный... А у нее руки дрожали теперь всегда. Особенно по ночам.

В теплушке за спиной завозились, закашляли. Мария вздохнула, поправила платок и шагнула внутрь.

– Чего не спите? – спросила негромко, чтобы не разбудить тех, кто уснул.

– Мария Иванна, – позвали из темноты. – А расскажите про зайчика?

Это был тонкий голосок, который Мария сразу узнала – Зойка, девочка шести лет, из-под Вязьмы. У Зойки под бомбежкой погибла мать, девочку вытащила из-под обломков соседка, сунула в руки узелок и посадила в поезд. Узелок Зойка не выпускала ни днем, ни ночью, хотя там была всего лишь смена белья да зачерствевший ломоть хлеба, который Мария заставляла съесть в первый же день.

– Про зайчика? – Мария присела на корточки, нашарила в темноте Зойкину голову, погладила по редким волосам. – А спать?

– Не спится. Страшно.

Мария вздохнула. Страшно было всем. Она сама боялась каждую минуту. Боялась бомбежек; что не довезет, что заболеют, не хватит воды, что паровоз встанет посреди чистого поля, и тогда...

– Ну, слушай про зайчика, – сказала она и села на пол, привалившись спиной к холодной стене. – Жил-был зайчик в лесу. Маленький такой, серенький, ушки длинные. И была у него мама-зайчиха. Она его учила травку щипать, от лисы прятаться, под кустиком спать...

Мария говорила, а сама шарила в кармане фуфайки. Там у нее лежали лоскутки – собирала по вагонам, кто что дал. Старую простыню разорвали, чью-то юбку, занавеску с вышивкой. Мария шила из этих маленьких кусочков небольшие игрушки. Ткани было мало, а набивкой служило сено. Она уже двух кукол сшила за дорогу. Митьке, который все время молчит и смотрит в одну точку, чтобы в руках было что-то мягкое, теплое – может, оттает. Вторую – для Ниночки, которая плакала все первые сутки без остановки, пока голос не сорвала. Трех лет, кудрявая, мать ей руку зажала при бомбежке, так и везли – с переломом, в гипсе, в забытьи. Очнулась Ниночка на второй день, заплакала тихо, жалобно, и все звала: «Мама, мама...» А мамы не было. Мария тогда села рядом, достала лоскутки и при ней, не таясь, стала шить. Ниночка смотрела, как мелькает иголка, и понемногу затихала. А когда кукла с двумя пуговками вместо глаз и ниточкой рта перекочевала в здоровую руку – девочка прижала ее к груди, тотчас закрыв глаза. И уснула впервые за двое суток. Так и спала, не выпуская.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.